

LITERATURE

Kopteva G.G.

ABOUT STRUCTURE-FORMING MOTIVES OF VASILY FEODOROV'S BOOK OF VERSES «DIKIY MYOD»

Kopteva G.G., Siberian Transport University (Novosibirsk), PhD
in Philology, Associate Professor

Abstract

This article is about Vasily Fedorov's book of verses «Dikiy myod». The strongest complex of feelings and the experiences which have seized the poet during his "late" maturity and reconsideration of vital values is investigated. On closer examination, motives of bitterness and grief / weariness appear in this book rather significant. As a matter of fact, they define the semantic and actual substance of a selection of verses. These motives, with almost invariable present (in parallel to them) motives of happiness of life and necessity of overcoming difficulties and problems of life, characteristic for the poet, evidently come to light in the specified book. It is possible to consider such attempt of frank judgement of own life, destiny, age, and desperate search of new opportunities indicative for the poet of a high rank, but it is beyond standard-optimistic attitude of poets of the Soviet period.

Keywords: special poetic integrity, poetic will, supergenre unity, motives of bitterness and weariness, author's emotion as a theme, reconsideration of life and fate.

В книге стихов Василия Федорова «Дикий мед» больше 50-ти стихотворений. Подборку их едва ли можно определить как случайную, поскольку вообще, книга стихов – это особая поэтическая целостность. Наличие объективных связей между отдельными произведениями позволяет заметить, что стихи объединены в некое лирическое целое, но главное основание для этого объединения – личность поэта и его поэтическая воля. Затруднительно судить о том, какую роль здесь играет

хронологический фактор, поскольку В. Федоров не датировал своих стихов. Но даже если это – компоновка стихотворений разного времени, то наличие рамы, основная идея (тема) плюс репрезентативность и актуализированное диалогическое начало позволяют считать данную книгу неким композиционным единством, имеющим определенное структурообразующее начало. Попробуем его рассмотреть.

Весьма значимая роль принадлежит, во-первых, названию книги. Уже оно дает реципиенту недвусмысленный намек на ее содержание, и это в данном случае очень важно, поскольку авторская воля (рама произведения) позволяет рассматривать указанную подборку если не как единый текст, то, во всяком случае, как некоторое над-жанровое (сверхжанровое) образование. Заглавие художественного текста, как справедливо отмечал в своей монографии В.И. Тюпа, представляет собой один из существеннейших элементов композиции. Заглавие есть **имя** произведения, «манifestация его сущности» [1, 115]. Именно заглавие «более всего формирует у читателя *предпонимание* текста (термин Гадамера), становится первым шагом к его интерпретации» [2, 107]. Таким образом, в названии данной книги уже имеет место быть момент «встречи» читателя с произведением; в осмысленном произнесении имени произведения уже происходит «встреча воспринимающего сознания с воспринимаемой им сущностью» [1, 116].

Важно посмотреть, что несет такая встреча читателю в данном конкретном случае. Специфика лирики как рода литературы заключается в выведении на первый план художественного произведения (а также цикла, книги) субъективного переживания. Названием – «Дикий мед» обозначено, некоторым образом, «горько-счастливое» содержание этой лирической книги: читатель еще не раскрыл ее, а «привкус» дикого меда – сладкого, но с горчинкой, своими вкусовыми рецепторами, на уровне подсознания хотя бы, уже ощутил. Характеризуя концепцию лирического цикла В.А. Сапогова, Е.В. Пепеляева определяет истоки единства цикла следующим образом: «Лирические стихотворения объединяются в поэтическую структуру при помощи разных конструктивных приемов, главным из них является единая сквозная тема, а чаще единая авторская эмоция. Развитие и оттенки этой эмоции и составляют основу лирического сюжета...» [3, 177]. Здесь мы не говорим о цикле, хотя в жанровом отношении эти структуры – книга стихов и цикл – не являются чуждыми друг другу; затруднительно также говорить в данном случае и о лирическом сюжете. Но налицо, безусловно, единая **авторская эмоция**, возможно – тема, как структурообразующее начало.

Уже отмечалась литературоведами неоднократно когезийная взаимосвязанность **тем** и **мотива**. Мотивы можно рассматривать как «характерные для поэта лирические темы или комплекс чувств и переживаний, а также константные свойства его (поэта) лирического

образа...» [4, 291]. В данной статье предпринята попытка анализа именно комплекса чувств и переживаний, овладевших поэтом в некий период зрелого (пере-)осмысления жизненных ценностей.

При ближайшем рассмотрении, мотивы горечи и печали / усталости оказываются в книге В. Федорова весьма значимыми, по сути, определяющими семантическое и фактическое содержание подборки стихов. Эти мотивы (с почти неизменно присутствующей параллельно им мотивикой счастья жизни и, неизменного для данного поэта, преодоления всех трудностей существования) с очевидностью выявляются в книге стихов «Дикий мед». Так, в стихотворении «В деревне» (одном из первых) лирический субъект не только заявляет о том, что он «снова готов на жизнь и на бой» (как, впрочем, и всегда) и о своем адекватно-оптимистическом мировосприятии (мир, «по правде, все-таки хорош»), но и декларативно – о том, что

Хорошо на время быть забытым
Верными друзьями
И тобой [5, 111].

Таким образом, уже герою требуется пауза, некий перерыв в этой постоянной жизненной борьбе. Указанные строки повторяются в стихотворении дважды, притом оно ими завершается (закольцовывается), и это – один из первых сигналов нового умонастроения, подчеркнуто усиленного «сумраком ночи», «завыванием дикого зверя в лесу», и в особенности – неприятно «царапающим» воображение звуком: «Будто кто-то неумело точит / Острым камнем ржавую косу» [5, 110].

С еще большей определенностью мотивы печали-усталости звучат в стихотворении (без названия) «Грустно мне бывает и тревожно...». Поэт здесь прямо говорит: «кажется, что сил моих в обрез». Выход из этого состояния, когда становится уже «слишком тошно», он находит в дремучем русском лесу, в своих раздумьях о жизни, одолевающих лирического героя именно там, «под сосной».

Та сосна корява и стара,
Та сосна сурова и мудра,
Та сосна печальна и спокойна... [5, 113]

Она не только ассоциируется в сознании лирического субъекта Федорова с матерью, что «ладонью хвойной осторожно гладит по щеке»; он проецирует такие физиологические и волевые качества и на себя самого, недаром последнее четверостишие начинается призывом: «Будь, как я...». О времени написания стихотворений В. Федорова можно, как правило, судить лишь приблизительно, но стоит обратить внимание на прилагательные-определения: *корява и стара, сурова и мудра, печальна и спокойна...* Примерно таким и видит себя в момент речи поэт – человеком мудрым и глубоко зрелым, и одновременно печальным. Стихотворение «Дымок свивается в колечки...» продолжает эту тематику печали-

усталости, во многом характерную для преклонного возраста. «Должно быть, начал я стареть, – говорит поэт в своем рассказе о том, как, сидя у печки и глядя на огонь, он просматривает «все свои ошибки» и прежние «заблуждения». Он уже прошел достаточно долгий и сложный жизненный путь, уже обрел присущую возрасту мудрость. В целом же стихотворение заканчивается достаточно оптимистично, по-федоровски: «И все, что мучило, – / Сгорело, / А что не мучило – живет» [5, 117]. Почти сразу же следует за этим стихотворение «Поет петух золотоперый...», которое завершается намеком не только на возраст, но также и на грядущий уход: «Уже идущего на смену / Я слышу дальние шаги» [5, 118].

В «Озере Кайдор» особая печаль, присущая книге стихов «Дикий мед», эксплицитно смешана с горечью. «Мне память горше, чем родни укор», – так начинается стихотворение; и этими же строчками поэт заканчивает свою исповедь – дискурс о способности расположенного в родной деревне озера «снимать печаль», «снимать усталость», и «тяжесть лет добавленных» снимать. Он пишет об умении озерной воды ласкать и утешать, и возвращать доверие к людям. Вся печаль лирического героя (в стихах В. Федорова он чрезвычайно близок автору) – оттого, что «уже три года» он не приходил к родному озеру и «не исполнял обряда обновления».

Для целого ряда стихотворений Федорова характерен архетипический мотив просветления, обновления, связанный с ритуалом погружения в воду, и в целом данный мотив несет в себе у поэта светлую семантику. Но этот свет может быть слегка окрашен также в тона грусти, печали, даже тоски. Таково стихотворение «Печора», и его последние строки: «Мне на крыле твоём узорчатом / Приснилась молодость моя» [5, 129]. Столь же грустный мотив сна, в котором всегда существует возможность возвращения к тому, что было в жизни дорого, звучит и в стихотворении «Зимний вечер, гикни над елью...». Оно тоже заканчивается элегически: «Пусть мне приснится / Ускакавшее счастье мое» [5, 132]. Счастье же лирического героя здесь ассоциировано с образом матери, поющей сыну старинную колыбельную песню, под которую он когда-то «легко засыпал».

Желание обновления, желание стряхнуть эту не проходящую усталость как груз прожитых лет эксплицитно манифестированы поэтом в книге «Дикий мед». Всеми силами пытается герой противостоять и печали, и горечи. Целый ряд стихотворений здесь воспринимается реципиентом как стихи «одного порыва», единого импульса. Следующее стихотворение – весьма важное, в свете заявленной темы.

Предо мною
Новый трудный путь.
Помоги усталость мне стряхнуть,
Помоги от прошлого забыться,

Новые желанья пробуди,
Помоги душою обновиться
Для большого, трудного пути.
Обнови
От недугов и хворей
И от наговоров обнови... [5, 135]

Обращение лирического героя здесь направлено к любимой женщине («ты моя, испытанная...») Тема любви – особая в творчестве В. Федорова, и она является предметом отдельного исследования, но мотивы усталости и поисков выхода из этого состояния характерно звучат и здесь. Попытки обновления, избавления от груза пережитого связаны у лирического героя с поисками источника такого обновления в природе, в воде, в близком человеке, и – в себе самом. Попытка понять себя, вновь обрести себя – хотя бы в иной ипостаси – звучит в стихотворении «На широком лугу...»

На широком лугу
Пахнет мятой-травой.
Я понять не могу,
Что случилось со мной.

После трудного дня
Не отстала забота.
Беспокоит меня
Позабывтое что-то.

Потерявший покой,
Стал я с тайною ношей
Весь какой-то другой,
На себя не похожий.

Весь какой-то иной,
С чистотой изначальной,
Весь устало-земной
И счастливо-печальный.

И себе самому
Говорю я:
– Припомни,
Отчего, почему
Хорошо мне,
Легко мне?! [5, 137]

Последние строки – очевидная аллюзия на известные классические – «мне грустно и легко, печаль моя светла», и в свете этих

строк (а также благодаря им) странное, на первый взгляд, сочетание «счастливо-печальный» оборачивается своей естественной онтологической стороной. Гармония и дисгармония в восприятии жизни составляют нерасчленимый симбиоз. И последующее в книге стихотворение «Верю в жизнь...» можно рассматривать как творческое и человеческое кредо поэта.

Верю в жизнь, но такую,
Чтоб как реки – с разливом...
Загрушу,
Затоскую,
Если стану счастливым.

Если стану счастливым,
Если стану спокойным,
Если стану ленивым,
Для борьбы недостойным [5, 137].

Это не счастье, по мысли автора, если оно – синоним спокойствия, «полдненной истомы», ленивого уюта и тому подобных вещей. Не случайно в одном из стихотворений книги «Дикий мед» герой прямо заявляет:

Я тоскую по крутым морозам,
Я тоскую по гремучим грозам,
По тревоге:
Быть или не быть?
Я – такой.
Нужны мне испытанья,
Мне нужны тревоги и страданья.
Я без них
Не научился жить [5, 157].

Поэт Василий Федоров, судя по его биографии и стихам, был человеком деятельным и энергичным, и жизнь без борьбы, постоянного преодоления считал для себя невозможной. Унылое спокойствие, тихое счастье не способны были дать мятущейся душе необходимое удовлетворение, вот откуда и возникают такие строки – «Пропадай оно пропадом, / Мое тихое счастье!» [5, 138]. Показательно, что даже «вечерняя прохлада» и «цветущий сад» в стихотворении «Верю в жизнь...» ассоциируются с недостойной праздностью, ленью, сама мысль о которой вызывает у лирического героя отвращение. Отвращение и отторжение, тем более выпуклое, что его «озвучил» человек, который по предпочтениям мог бы, пожалуй, рассматриваться как «поэт деревни», который и внешне был похож на Есенина, особенно в молодом возрасте. И природу сельскую безмерно любил» [6, 7]. Так называемые его три «кита» – это: лирическая поэзия, его малая родина – Марьевка («Свет-

Марьевка!») и природа – сельская, прежде всего. Подлинной любовью к родным местам, нежностью, с оттенком вины и грусти, проникнуто стихотворение «Хозяйка». Но уже в следующем – тональность и умонастроение довольно резко меняются.

Долго
Поклонявшийся железу,
Сделавшийся пасмурней
И злей,
К людям не тянусь,
Тянусь я к лесу.
Мне в лесу
Отрадней и теплей.

Что-то чувствую
В себе большое... [5, 148]

Что же случилось, почему «иступилась чуткая душа» – «обо все железное, стальное»? Вероятно, на смену таким качествам как молодой энтузиазм и постоянное стремлению к героическому преодолению препятствий, необходимо-присущим писательскому методу «социалистического реализма», постепенно приходит иное восприятие жизни. Возникает естественная для возраста усталость от непрерывной борьбы и вечной погони («порывисто дыша») за мнимыми и подлинными победами, и эта усталость коррелирует с душевной болью и желанием пусть на короткое время вернуться в то пространство, внутреннее и внешнее, где можно обрести хотя бы временный душевный комфорт и покой. Однако лирический герой здесь все еще верует, что путь пока «не пройден», что возможно еще «душу на природе» поправить «как на вечном оселке». Рано отказываться от борьбы, поскольку «мир, от всех утрат седой», – «все еще не совершенен» [5, 149]. И работа еще «не кончена», и душа «полна заботы»... Однако со временем подходит неизбежный «срок – / И надо уходить...» [5, 150]

С мотивами печали / усталости в книге стихов «Дикий мед» когезийно связана мотивика приближающейся старости и неизбежного ухода. «Мы постареем», «мы слишком рано поседеем» [5, 151] – и действительно, рано он «невозвратно» поседел, да и сам уход поэта из жизни оказался достаточно неожиданным, если не сказать ранним. Слишком, видимо, непростой и нелегкой оказалась жизнь, к которой, впрочем, у самого поэта, как и у близких ему по духу людей той эпохи, «претензий», тем не менее, не имелось.

С отцами
Не были мы в ссоре,
Что приняли от них не рай.
Мы жили.

Радости и горя –
Всего нам было через край.

О, сколько нужно сил весенних,
Чтоб оказалось по нутру
При всех тяжелых потрясениях
Стоять на мировом ветру! [5, 151]

Сил, действительно, для такого образа жизни («через край») нужно было много, сил именно молодых, «весенних». Однако на исходе особенно ясно понимаешь, что это в юности «о жизни думается сложно, а совершается легко».

Зато теперь,
Как в старой роще,
Просторней стало и видней.
О жизни думается проще,
А совершается трудней [5, 151].

И поскольку привыкнуть к мысли о неизбежной постепенной утрате жизненных сил и предстоящем уходе всякому человеку непросто, потому приходят и «мысли горькие». Мотив горечи, идущий в параллели с мотивом приближающейся старости, звучит в книге «Дикий мед», чем дальше – тем острее.

Меня старят не годы –
Мысли горькие старят.

Если соков потребных
Стебельку не напитокъ,
Вместо зернышек хлебных
Черный куколь родится [5, 152].

Однако, «соков потребных» чем далее – тем меньше: уходят с возрастом жизненные соки. Стихотворение «Я не испытывал давно...» в свете рассматриваемого комплекса мотивов можно считать кульминационным. Приведем его полностью.

Я не испытывал давно
Такой тоски,
Такой тревоги,
Как будто жизни вижу дно,
Остатки вижу дней немногих.

В душе сплошная гололедь.
Тоску весеннюю почуяв,
Ни сочинять,
Ни пить,
Ни петь

И даже плакать
Не хочу я.

Что я?!
И звери по весне
Впадают в краткую унылость.
Былое умерло во мне,
А новое
Не родилось [5, 153].

Горечь, которой переполнено сердце лирического героя, его печаль и тревога так велики, и так **не характерны** для него и его эпохи, когда подобные настроения были едва ли не под запретом. Даже в 1988 году Леонид Решетников – член комиссии по литературному наследству Василия Федорова – в своем предисловии к сборнику его стихов писал: «Не надо, конечно, принимать и понимать это признание поэта буквально – как свидетельство какого-то творческого кризиса. Напротив, в этом видится свидетельство усиленной душевной работы художника, недовольства тем, что сделано им. Толковать эти строки именно так тем более правильно...» [7, 15-16].

Толковать, действительно, можно по-разному, только вся проблема в том, что в данной трактовке нет даже упоминания о лирическом субъекте – герое стихотворения. С точки зрения персоналистской, а не объектной, мы едва ли стали бы гадать о том, испытывает ли герой в момент дискурса творческий кризис или он просто «недоволен» тем, что сделано. Его, героя, позиция и взгляд – это момент если не финального, то лиминального отчаяния и тоски. К данному стихотворению семантически примыкает и оттеняет его по смыслу своей физиологической параллелью одно из последующих (тоже без названия):

То млею,
Теплом разогретый,
То стыну от холода весь.
Почти как у нашей планеты,
У сердца
Два полюса есть.

Но время идет.
Не согреться.
Уже – велики, велики! –
С холодного полюса сердца
Сползают на юг
Ледники [5, 156].

Оба стихотворения, о которых выше шла речь, характерны крайней степенью откровенности и открытости в передаче негативного

эмоционального состояния. Оба завершаются пессимистической констатацией, и такова она в стихотворении «То млею...»:

Поэзии мамонт косматый
Последнюю песню
Трубит [5, 156].

Для самого автора стихов данные строки, разумеется, не были последними, и много еще было написано В. Федоровым после этой книги. Однако показательной можно назвать такую попытку откровенного осмысления своей жизни, судьбы, и возраста, и отчаянного поиска новых возможностей.

Рассмотренными стихами содержание книги «Дикий мед», конечно, не исчерпывается, так же как и не исчерпывается ее смысловая содержательность мотивами горечи, печали и усталости. Она гораздо богаче, поэтому работа в таком направлении может быть продолжена.

References:

- [1] Тјура, В. Аналітика худошественногo. – М., Лабірінт, 2001. – 192 р.
- [2] Lamzina, A.V. Rama // Vvedenie v literaturovedenie: Ucheb. posobie pod red. L.V. Chernec. – М.: Vyssh. shkola. 2004. – 680 p.
- [3] Pepeljaeva, E.V. Issledovatel'skaja ciklizacija liriki kak teoreticheskaja problema // Vestnik Permskogo universiteta. – 2012. – Rossijskaja i zarubezhnaja filologija, Vyp. 2 (18). – Pp. 174-180
- [4] Lermontovskaja jenciklopedija / gl. red. V.A. Manujlov. – М.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1999. – 784 p.
- [5] Fedorov, V.D. Na rodine moej povypali snega... – Stihotvorenija i pojemy. – Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. – 246 p.
- [6] Chislov, M. «Zhazhda vse odolevat'...» // Fedorov V.D. Chelovek: Stihotvorenija i pojemy. – М., : Molodaja gvardija, 1989. – 192 p.
- [7] Reshetnikov, L. Vozvrashhenie v Mar'evku.// Fedorov V.D. Na rodine moej povypali snega... – Stihotvorenija i pojemy. – Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. – Pp. 33-36